

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ, Древневосточные материалы по истории народов Закавказья, I, Наир-Урарту, Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1954, 446 стр. и карта, тираж 1000 экз., цена 23 руб. 40 коп.

В рецензии на две небольшие научно-популярные работы Г. А. Меликишвили, посвященные этногенезу грузинского народа и истории Урарту¹, мы высказали пожелание о скорейшем появлении в свет большой монографии автора, где могла бы быть развернута его аргументация; не успел еще «Вестник древней истории» напечатать эту рецензию, как такая монография действительно появилась.

Книга Г. А. Меликишвили является фундаментальным трудом, имеющим для историка большое значение. Не представляя собой полной истории Урарту и окружающих ее стран, рецензируемая книга заключает в себе подробный разбор имеющихся в письменных источниках материалов для этой истории. Автор привлекает и археологические источники, однако, книга посвящена в основном именно источникам письменным, и в этом отношении работа Г. А. Меликишвили и известная книга Б. Б. Пиотровского «История и культура Урарту» (Ереван, 1944), написанная главным образом на археологическом материале, хотя и с привлечением письменного, удачно дополняют друг друга.

Особой заслугой автора является то, что история, этнография и историческая география Урарту показаны на широком фоне исторических судеб племен и народов на обширной территории между Малой Азией и Ираном.

Ниже мы постараемся отметить те линии, по которым в работе Г. А. Меликишвили имеются наиболее значительные достижения (останавливаться на огромном числе выясненных автором мелких фактов не представляется возможным), и указать на отдельные случаи нашего несогласия с автором. При этом мы не будем останавливаться на тех вопросах, которых мы уже касались при разборе книги того же автора «Урарту» и лекции «О происхождении грузинского народа», за исключением тех случаев, когда автор приводит новый материал и новую аргументацию.

Книга открывается введением, в котором автор касается принципиальных вопросов этногенеза народов Закавказья, а также вкратце останавливается на истории вопроса.

Здесь особенно существенны следующие положения автора, которые представляются нам важными и правильными: положение о том, что грузинский и армянский народы уже в глубокой древности, в период, который Г. А. Меликишвили не совсем удачно называет «древневосточной эпохой», имели свою языковую и этническую индивидуальность и что поэтому бесполезно искать «предков» грузинского или армянского народов в каких-то иных народах древности; затем положение о важности для истории и для проблемы этногенеза изучения малых народностей и племен, входивших в состав древневосточных военно-административных объединений, и, наконец, указание на сложность этногенетических вопросов и недопустимость сводить их к вопросу о прародине. Однако автор, по существу, сам сводит вопрос об этническом происхождении только

¹ ВДИ, 1954, № 3, стр. 85 сл.

к происхождению языка (стр. 7), и хотя и говорят о языковом и этническом моменте, но на деле речь у него идет только о моменте языковом. Отсюда понятно, что автор рассматривает древние племена, говорившие на языках, послуживших основой современного армянского и грузинского, как «прямых предков армянского и грузинского народов» (стр. 6).

Однако они «прямые предки» последних только по языку, между тем очевидно, что и те племена, которые влились в состав армянского и грузинского народов, потеряв свой первоначальный язык в результате скрещивания (урарты, северные хурриты и др.), являются не менее «прямыми» их предками в физическом и культурном отношении. Вообще нам кажется желательным исключить из этногенетической терминологии противопоставление «прямых» и «непрямых» предков.

О неубедительности принимаемого Г. А. Меликишвили сопоставления «картов» — грузин с кардухами нам уже приходилось говорить.

Основной текст книги распадается на шесть глав. Первая глава, посвященная исторической географии, содержит, за малыми исключениями, исчерпывающий и основательный разбор соответствующего материала. На разбор можно в целом с уверенностью полагаться, и он составит прочную базу для работы историков. Однако, принимая во внимание большое значение исторической географии для современного развития урартологии, мы считаем правильным подробнее остановиться на тех частностях, в которых мы не можем согласиться с автором.

Первый вопрос касается локализации важной страны Дайаэни (Диауэхи), отождествляемой со страной таохов (Τάοχοι, Τάοι) греческих источников и с грузинским Тао. Согласно определению Г. А. Меликишвили, «южная периферия страны Дайаэни находилась в районе совр. города Эрзерум и верховьев Западного Евфрата (Кара-су)», на севере же Дайаэни граничила со странами Кулха (Колхидой) и Забаха (Джавахетией), хотя, по мнению автора, оба последних названия относились в древности к районам, расположенным южнее позднейших Колхиды и Джавахетии. На территории Дайаэни находился, между прочим, и город Шешети, который автор предположительно отождествляет с груз. Шавшат (к северо-западу от Ардагана на нынешней турецкой территории — см. стр. 16 и 59—60).

Доводы Г. А. Меликишвили в пользу того, что южная часть страны Дайаэни находилась в районе Эрзерума, сводятся к тому, что надписи Менуа, повествующие о завоевании страны Диауэхи, найдены в районе Эрзерума и что ассирийский царь Салманасар III получил дань с этой же страны, находясь в верховьях Кара-су. Однако получение дани и, тем более, сооружение победных надписей нередко происходило на соседней, более прочно завоеванной территории, где, в частности, и надписи были в большей безопасности. Примеры тому из урартской эпиграфики имеются. Если же считать, что в состав Дайаэни входил, как ее наиболее южная часть, район Эрзерума, то окажется, что одна «страна» была расположена в двух долинах (рек Кара-су и Чороха) и ее части были разделены горным хребтом. Между тем на горных территориях первичные племенные и государственные объединения обыкновенно создаются в пределах естественных рубежей. Разделенная горным хребтом «страна» не могла бы, как это было с Дайаэни, на протяжении столетий сохранять свое единство. Поэтому мы полагаем, что страна Дайаэни-Диауэхи в основном совпадала с долиной реки Чороха, почему и была естественно связана с Кулхой (Колхидой) и Забахой (Джавахетией). Для этого времени, вероятно — совр. район от Ардагана до Ахалкалаки, северо-западнее и севернее Чалдырского озера). От Эрзерума в долину Чороха ведет главный перевал, через который долина сообщается с югом, и поэтому район Эрзерума был плацдармом для нападения на Дайаэни; естественно, что здесь составляли надписи о походах на эту страну и здесь принимались дары от ее правителей.

Второй вопрос касается Колхиды. На стр. 22—28 автор подробно разбирает ассирийский этногеографический термин **ḪAV-ḫi**. Автор считает, что за этим написанием скрываются два различных чтения — **Ḫabḫi** и **Kilḫi**, или **Gilḫi**. Первый он, весьма убедительно и основательно анализируя данные источников, считает хуррито-урартским термином, возможно, нарицательного характера, обозначающим обширную полосу

южнее долины реки Бохтап-су (к югу от Вана), от реки Верхнего Заба и нагорного Загра на востоке до района совр. Диярбекира на западе (стр. 24). Второй он считает названием другой страны, локализуемой им на южном (юго-восточном) побережье Черного моря, и видит в нем вариант термина Кулха-Колхида.

В действительности в обоих случаях речь идет об одной и той же стране Хабхи. Толкование Г. А. Меликишвили основано на неправильном переводе текстов Тиглатпаласара I (КАН, II, 71, 3—5; КАН, II, 68, 10—12): слова *mâtâte Na'iri ištu Tumme adi Da'aeeni Himûa Paiteri û HAV-ḥi lû akšud* он переводит «страны Напри от Тумме до (стран) Дайаэни, Химуа, Паитери и Хабхи (или Кильхи, как читает автор в дальнейшем. — И. Д.) я завоевал». В действительности, как показывают аналогии других ассирийских надписей, текст надо переводить: «страны Напри от Тумме до Дайаэни — (в том числе) Химуа, Паитери и Хабхи я завоевал». В самом деле, возмем надпись Саргона II на глиняном цилиндре¹: *ištu Hašmar adi Šibar paṭṭi Madâi rûkûti ša šit šamši Namru Ellipi Bît-Hamban Parsûa Mât Mannâi...* и т. д. «от Хашмара до Цибара (у) пределов далеких мидян востока, — Намру, Эллипи, Вит-Хамбан, Парсуа, страну Маннеев...». Эллипи и др. находились между Цибаром и Хашмаром, а Намру даже по сю сторону Хашмара. Упомянутое в надписи Тиглатпаласара I Тумме находилось в горах Загра, Дайаэни — в долине Чороха; таким образом, отождествлять Хабхи с Кильхи и локализовать ее на берегу Черного моря нет оснований; Черное море в параллельном контексте (АКА, I, стр. 117—118) упоминается в связи с Дайаэни, которая по Чороху доходила до моря, а не в связи с Хабхи.

Следует добавить, что хотя знаки аккадской клинописи и полифоничны, однако они всегда выбирались так, чтобы избежать двусмысленности; для слога *kil*, *gi* есть и другие средства выражения, кроме знака HAV, и вряд ли ассирийские писцы регулярно выбирали бы одинаковое написание названий для двух разных стран.

Таким образом, есть только одна страна Хабхи, местоположение которой определено Г. А. Меликишвили на стр. 22—26 его труда; страна Гильхи не существует, а тем самым отпадает и сопоставление ее с Колхидой и с грузинским социальным термином «гlexи» (стр. 177, 249, 264, 407).

Интересны разделы главы, посвященные термину «Урарту» (стр. 20—21) и центральным районам Урарту (стр. 28 сл.). К приводимым автором различным вариантам названия Урарту можно добавить еще форму *Urṭu*, засвидетельствованную как чтение для идеограммы URI, которая, как известно, означает Аккад (обыкновенно с детерминативом ^{ki}), а в ассирийское время (обыкновенно без детерминатива) означает также Урарту².

Едва ли, однако, можно утверждать категорически (стр. 29), что «Бианили» не является названием Ванского района и не отразилось в его топонимике. Самый термин «Ван» естественно связывается с *Biaini-li* (в его ед. числе — *Biaini*, нередко в варианте *Biani*, ср. *Diau-ḥi*, *Diauc-ḥi* — хурр.**Tiawe-ḥe*, дающее Тао, Таххот). Урартское графическое 'b' почти несомненно служило также и для передачи звука 'v'. Подобно термину *Mât Aššur* — «Ассирия», *Biainili* могло обозначать и все государство, в противоположность вражеским странам, и коренную урартскую территорию. Сомнительным кажется отождествление города *Uzaun* с городом *Uaiais*, *Uesi*, *Uiši-* (стр. 33).

В разделе, посвященном приурмийскому району, некоторые сомнения вызывают соображения автора по поводу страны Парсуа (в урартском ее следует читать ^{KUR} *Pá-g-šú-a*, скорее, чем ^{KUR} *Var-šú-a*). Страну Парсуа Г. А. Меликишвили помещает слишком далеко к северу. По ассирийским данным, она довольно уверенно локализуется в районе совр. города Сулеймание. То обстоятельство, что одна урартская надпись включает в Парсуа расположенный гораздо севернее город *Me-iš-ta*, объясняется, очевидно, временным расширением Парсуа. Следует заметить, что границы «стран» в этом районе были неустойчивы: так, Замуа в начале IX в. включала все то, что в VIII в. называлось

¹ D. G. Lyon, Keilschrifttexte Sargons, Lpz, 1883, стр. 5 сл.

² Отсюда и термин «ортейцы» в сирийских источниках (стр. 22)?

Манной, Замуа и Парсуа. Если же помещать Парсуа так далеко к северу, как это делает автор, и считать, что крепость и район Бушту были расположены на ее южных пределах, то трудно понять, как Бушту мог впоследствии стать районом находящейся севернее Манной (стр. 43).

Не совсем ясно, почему автор локализирует страну Ушкайя (урартск. Ашкакяэ-хуби) в районе Тавриза.

В этом разделе следовало бы упомянуть о весьма распространенной, но ошибочной теории, связывающей с Парсуа происхождение персов, а также о ряде предложений по локализации различных пунктов в Манне, сделанных в последнее время в связи с находкой саккызскогоклада.

Раздел, посвященный юго-западным странам Напри, является одним из самых лучших. Локализации, предложенные автором, не вызывают здесь никаких возражений (стр. 49—55).

Что касается южного Закавказья, которому посвящен последний раздел историко-географического очерка (стр. 55—69), то здесь, помимо вопросов о местоположении Дайаэни-Диауэхи и предполагаемой страны Гильхи, которых мы уже касались выше, спорным является анализ термина Qulḥa, *Qolḥa как *Qol + ḥa. Хотя автор говорит, что «-ха, -хи, по всей вероятности, является широко распространенным окончанием племенных названий», но в действительности -ḥa как морфологический элемент такого рода (в прямом падеже) сомнителен; в названиях племен встречается лишь хуррито-урартский притяжательный суффикс -ḥi/e, да и то (как будет видно ниже) далеко не так часто, как получается у Г. А. Меликишвили; в слове же Qulḥa налицо только элемент -ḥa, который нельзя безоговорочно отождествлять с -ḥi; поэтому спорно и сопоставление этого слова с областью Кола в верховьях Куры.

Следовало бы сказать несколько слов по поводу предлагавшегося отождествления страны Катарза с Кларджегией.

Недостаточно мотивировано сопоставление топонимического термина Уэрда (Верда; у автора, стр. 65, — Уеирда) с термином Убурда (наиболее вероятное действительное произношение этого последнего — Оворда или Оборда). Известная долина Qu-ĀR-li(-ni) (стр. 66) должна, быть может, читаться Qu-ub-li-ni ḥu-bi-i «Кубли». Древнее название Арин-берда у Еревана автор читает «Ирпуни» (IR-PU-ni, вариант IR-e-PU-ni); вернее, кажется, читать здесь Eg-bu(-ni), Eg-e-bu(-ni), ср. страна Eg-ku-a-, Eg-e-ku-a-, E-ge-ku-a- (не *Ig-ku-a-, *Iḡ-e-ku-a!). Произношение этого названия было, вероятно, *Eḡvu-, *Eḡʷvu-; отсюда, может быть, совр. (Y)erevan <*Egevu(-)avan?

Автор говорит о двух собирательных географических названиях в Закавказье урартского времени — Etiḥ(-ni) в центре и на западе и ʕ(e)ḥḡi-Etiḥ(-ni) в присеванском районе; не есть ли второе название, как иногда полагают, «удинский (племенной союз) Этиу» (в отличие от западного, хуррито-урартского или грузинского племенного союза Этиу)?

В отношении перечня 19 стран «по ту (?) сторону (Севанского) озера» в известной цовинарской надписи Русы I (УКН, 266) автор (стр. 69) присоединяется к акад. И. П. Мещанинову, локализирующему их на восток от Севана, в частности и на территории совр. Азербайджана. Однако локализация всех этих стран восточнее Севана не бесспорна, особенно стран Egia(-ini), Zamani, Gurqume-li, Alzira-ni, Guria(-ini).

Таковы наши замечания по историко-географической части труда Г. А. Меликишвили. Если иметь в виду, что им разобраны и локализованы десятки топонимических названий, причем в большинстве случаев это сделано мастерски и с большой убедительностью, эти несколько замечаний несколько не снижают ценности проделанной им здесь работы.

Несколько менее удовлетворяет нас следующая глава, посвященная этническому составу населения на изучаемой территории. Г. А. Меликишвили впервые попытался конкретно выявить все многообразие этнического состава здешнего древнего населения, но предварительные выводы, которые он опубликовал ранее, позволяли в некоторых случаях ожидать более убедительной аргументации, чем данная им в монографии. Конечно, следует учитывать исключительную скудость и неясность материала; однако

в этих условиях исследователю особенно необходимо соблюдать строгость метода и доказательств.

Первый раздел этой главы посвящен языкам и племенам древней Малой Азии. Более подробно автор останавливается лишь на хаттском (протохеттском) и на хеттском-неситском. Другие индоевропейские языки анатолийской группы — лувийский, палайский, «иероглифический хеттский», лидийский, ликийский, а также, предположительно — но, кажется, ошибочно — относимые иногда к этой же группе фригийский и древнеармянский упоминаются автором только в общем перечне. К этому разделу можно заметить, что хаттский язык, связываемый автором преимущественно с черкесскими языками, имеет, повидимому, немало точек соприкосновения и с грузинскими, занимая, возможно, промежуточное положение между этими двумя группами. Значительно больше внимания следовало бы уделить так называемым «иероглифическим» хеттам, надписи на языке которых, довольно многочисленные и теперь уже в общих чертах доступные для понимания, были распространены в рассматриваемый автором период по всей Малой Азии вплоть до Эрзинджана. Есть основания думать, что «иероглифические» хетты сыграли важную роль в этногенезе армянского народа.

Большой интерес представляет раздел, посвященный племенам каскейцев (каш-ков) и хайаса. Основные положения автора, считающего каскейцев племенами абхазо-черкесской языковой группы, были опубликованы им уже ранее. В этой связи сто́ит упомянуть, что связанная, повидимому, с племенами этой же группы колхидско-кобанская культура бронзы была распространена не только от Северного Кавказа до Колхиды, но заходила, возможно, и на территорию Лазистана, т. е. на территорию каскейских племен¹. Имя царя каскейцев при Тиглатпаласаре III (стр. 80) не обязательно читать по-семитски — *Dadi-ilu*; можно его читать и *Dadflu*: вряд ли влияние арамеев заходило так далеко на север. С другой стороны, следовало бы привлечь интересную арамейскую надпись VIII в. до н. э. о договоре между Маттиазем, царем Арпада в Сирии, и *BRGY*², царем КТК — в последнем обозначении С. М. Бациева, следуя за Дююн-Соммером, не без основания видит каскейцев².

Большое внимание Г. А. Меликишвили уделяет стране и племени хайаса, которое он в отношении языковой принадлежности довольно убедительно связывает с той же протохеттско-абхазо-черкесской группой. Следует заметить, что единственным доводом в пользу сопоставления племени хайаса (*Ha ĵasa*) с армянами (*hay-*) является созвучие названий; однако арм. *hay-* можно этимологически объяснить и иначе. Характерный для малоазийских названий местностей суффикс *-s(s)a* чужд армянскому. Топонимика и ономастика области Хайаса плохо связываются с армянскими.

Некоторые замечания можно сделать по разделу, посвященному хуррито-урартским племенам. Так, вряд ли правомерно сопоставление топонимического названия Цуна (Софена) с цова-тушинцами (стр. 88 сл.). Автор возражает (стр. 91) против предложенного мной объяснения названия города Уррахинаш³ в верховьях Тигра как урартского эргативного падежа мн. числа от *Urga-ĥini*, ссылаясь на то, что население здесь было хурритским, а не урартским; но и в этом случае можно объяснить название как *plurale tantum*, хурр. *Urga-ĥe-na-(a)z̄* в абсолютном, *Urga-ĥe-na-(a)z̄-uš* в эргативном падеже. Шумерское название горной страны Шубур (стр. 102) не имеет связи со страной Субарту (шум. *Су-бир*). Неточно указание на «образование множественного числа через „п“» в хурритском. Вообще, в отношении хурритского языка автор в основном опирается на работы И. Фридриха, не учитывая последующей и основной в на-

¹ На стр. 84 переход $\check{s} > z$ неточно приписан вавилонскому диалекту аккадского языка: это явление характерно для ассирийского диалекта.

² С. М. Бациева, Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию, ВДИ, 1953, № 2, стр. 34.

³ Чтение *ĥi* в этот период значительно употребительнее для соответствующего знака, чем *ti*, поэтому произношение «Уррахинаш» вероятнее, чем «Урратинаш».

стоящее время работы Э. Шпейзера¹. Это отражается на транскрипциях автора и отчасти на этимологиях. Некоторые из последних не убеждают и по другим причинам. Так, если сопоставление хурритской богини Хебат и урартской богини Хубы лингвистически трудно, но мыслимо, то сопоставление хурритского солнечного божества Шимге с урартским Шивини весьма маловероятно: ни в хурритском, ни в урартском, кажется, нет чередования «в» // «м» или, тем более, «г» // «н».

Следовало бы указать на предложенное Тьюро-Данжэном отождествление столицы Митанни Вашшукканни (стр. 98) с современным городищем Телль-Фехерия. Говоря об этнониме хурритов в Палестине, следовало бы упомянуть и библейский термин *ḥōgī* < **ḥuggī*, локализуемый на крайнем юге Палестины².

Нам кажется сомнительным, что урартские племена искони распространялись до северного побережья Урмийского озера и даже до Тавриза (стр. 108). Тот факт, что сами урарты относили соответствующую область (Суби) к стране Манна, указывает на их позднее проникновение сюда — вероятно, не ранее походов Менуа и Аргишти³.

Уже в предыдущих работах Г. А. Меликишвили была выдвинута мысль, что племена южного Закавказья были в рассматриваемое время в значительной своей части хуррито-урартскими и, в частности, что в западной части южного Закавказья жили хурритоязычные, а в центральной — урартоязычные племена. Подробной аргументации этой интересной мысли посвящен раздел книги «Хуррито-урартские племена в южном Закавказье». Однако, к сожалению, эта аргументация не во всем убедительна. Так, в пользу урартоязычного характера центрально-закавказских племен автор приводит следующие доводы: 1) сходство названий закавказской области Luḫiu и южно-урартской (?) области Luḫa/i⁴; 2) наличие урартского суффикса -ḫi в названиях закавказских племен Abilianḫi и Uelikḫi; 3) вероятность наличия в них урартских основ abili и ueli-, а в имена их правителей Murini/u — урартской основы muri⁵; 4) сходство названия закавказской крепости Irdani(-ni) с урартскими названиями крепостей Eridun и Eridia(-ni) и горы Eritia; 5) сходство названий закавказских областей Erelṭua(-ini) и Šanatu(-ini) с урартскими словами ereli (у автора eriel) «царь» и šana (слово неизвестного значения).

Нетрудно видеть, что аргументация здесь довольно шаткая. Она отчасти основана на внешнем сходстве, которое может быть и случайным, и притом — на сходстве урартских слов с элементами из закавказских топонимических названий, выделенными произвольно: нет никакой гарантии правильности того, что Uelikḫi, например, надо делить на ueli- и -ku-, Šanatu — на šana- и -tu⁶. Что касается суффикса -ḫi, то здесь это — урартский морфологический показатель (соответствующий русскому -ский), а не часть самого топонимического названия: Abiliane-ḫi ebane (УКН, 127, I, 17; 155, С, 21) «абиланийская страна»; Murini-ni abialiane-ḫi (155, С, 37) «Мурина абиланийский»; KUR (=ebane) Abiliani-ḫini-edi «на абиланийскую страну» (155, С, 7 и др.); KUR

¹ E. Speiser, Introduction to Hurrian, «Annals of the American Schools of Oriental Research», XX (1941).

² Gen., 14,6; 36,22. Хориты были, по Библии, вытеснены семитами-эдомитами (Deut., 2, 12).

³ Автор полагает, что область Суби называлась маннейской по этническому составу населения (стр. 108). Но Манной называлась первоначально только маленькая область к югу от Урмии, а население всей Мавны, с этнической точки зрения (по крайней мере, в ассирийских текстах), называлось замуанцами или кутяями.

⁴ Фактически Луха лежала, повидимому, за пределами территории урартоязычного населения.

⁵ По Г. А. Меликишвили (УКН, ВДИ, 1954, № 1, стр. 212), muri означает «потопленный склад(?)». Возможно ли образование имени собственного от этого слова?

⁶ Более вероятно, что эти названия нужно делить следующим образом: Erelt-ua, Šanāt-ua, Erek-ua и т. д.

(=ebane) Ueliku-hi «великуйская страна» (155, F, 20 и др.); KUR-ù-e-li-ku-hi-ni-ni-e KUR-e-ba-ni-i-e-di «на великуйскую страну» (156, DI + D II, 23)¹.

Таким образом, урартоязычный характер племен центрального Закавказья остается лишь более или менее вероятной гипотезой.

Более убедительны приводимые автором примеры наличия элементов хурритской ономастики в названиях местностей и лиц из юго-западного Закавказья; однако, мы возражали бы, например, против сопоставления элементов *šini* и *seni* с хурритским *šepa* «брат» и окончания *-ha* в названиях *Qulha* и *Zaha* с хурритским притяжательным суффиксом *-hi* (в прямом падеже — никогда не *-ha!*). Совсем маловероятным кажется мне проникновение хурритского имени божества (Вишаипап) в Авесту (*višāra*, стр. 114). Уж если усматривать здесь связь, то скорее можно было бы видеть в хурритском Вишаипапе одно из индо-иранских божеств Митанни — примеров проникновения переднеазиатских мифологических образов и имен в Авесту нет.

Для объяснения часто встречающегося в закавказских топонимических названиях элемента *-iç* (или *-içu?* — *И. Д.*) автор привлекает грузинский суффикс множественного числа *-eb/p*, хотя и признает, что данные имена вообще не дают связей с грузинским. Затем автор замечает: «Можно припомнить также, что в эламском... формативом множественного числа служил *-p(i)* [вар. *-m(i)*, *-w(i)*]...». Однако *-p(i)* и *-m(i)* в эламском — не варианты одного форманта, а два разных показателя; показатель *-wi* сомнителен².

Здесь следует сказать несколько слов по поводу применяемого автором метода лингвистических (звуковых) сопоставлений. Как известно, установить историческую звуковую связь между двумя языками можно, только выявив определенные закономерности, в силу которых известному звуку одного языка соответствует, при данных фонетических условиях, известный звук другого, как результат внутреннего языкового развития каждого из обоих языков от звукового состояния, имевшегося в языке-основе. Речь тут должна идти совсем не о внешнем сходстве, которого часто при реальной генетической связи вовсе не наблюдается (например, латинское *equus* «лошадь» и иранское *aspa* «лошадь»). В этом случае наблюдается определенная закономерность: в с я к о е индоевропейское [e] дает [a] в древнеиранском, и в с я к о е индоевропейское [k₁w] даст здесь [sp]. Напротив, нет ничего общего между английским *bad* [bæd] «плохой» и персидским [bæd] с тем же значением, так как они имеют разное происхождение).

Конечно, нельзя совершенно отбросить возможность сравнения по внешнему сходству; если, например, в двух языках, принадлежащих народам, имевшим между собой исторические связи, два сходно звучащих слова значат одно и то же или имеют близкие значения, то это не может не привлечь внимания, в особенности, если этот случай не единичен; однако это должно быть только первым этапом для сравнения; замеченное сходство необходимо проверить, выявив наличие того же закономерного звукового соответствия и на других примерах и, соответственно, принять или отбросить сопоставление. Но если перед нами слово, значение которого неизвестно, закономерного соотношения звуков не выявляется, и это слово, на основании одного лишь внешнего сход-

¹ Энклитический направительный послеслог *-edi* требует либо абсолютного падежа (как в | 155, С, 7), либо отложительного, как здесь.

² В свете изложенного автором несколько удивляет вывод, что урарты не могли продвинуть своей власти севернее линии Эрзерум — Карс — Леникан — Севанское озеро, «вследствие энергичного сопротивления, оказываемого существовавшими тогда крупными объединениями грузинских племен» (стр. 115). Автор доказывает существование в южных областях Закавказья хурритов и урартов, но из чего видно, что севернее указанной линии жили именно грузинские племена? Как нам уже приходилось указывать, наличие грузин уже в это время в западном Закавказье а priori весьма вероятно (мы даже полагаем, что племена *Qulha*, *Zaha* и некоторые другие следует скорее отнести к числу грузинских, чем хурритских), но из чего видно, что и в центральном Закавказье имелись «крупные объединения грузинских племен», — нам остается неясным.

ства звучания, сравнивается со словом другого языка, родство с которым еще ничем не доказано, и отсюда выводится сразу и значение слова и само родство языков, то здесь — логическая ошибка, *petitio principii*. Действительно, родство языков тут доказывается при помощи близости звучания сходных по значению слов, но само их сходство по значению выводится из родства языков. То же может быть отнесено и к сравнению не значимых слов, а грамматических формантов.

К сожалению, Г. А. Меликишвили иногда прибегает к такому неоправданному методу сопоставлений. Так, например, на стр. 125 он пишет: «Языки загро-эламской группы ... выявляют определенную близость к современным кавказским языкам¹. В связи с этим можно отметить и то, что в именах лиц или названиях местностей, имеющих отношение к Лулубли, мы в изобилии встречаем суффиксы, характерные для грузинской языковой среды. Так, например, мы имеем суффикс „s“ с разной огласовкой: -asi, -isa, -usa, ... „r“ или „l“ с разной огласовкой: -aga, -agi, -ali, -ila, -ri..., „ti“... и т. д. При таком положении нам кажется возможным привлечь данные картвельских (грузинский и родственные ему мегрело-чанский и сванский) языков для объяснения одного интересного явления, наблюдаемого в отношении названия страны лулубийцев — Замуа» (речь идет о чередовании в ассирийских текстах форм *Zamuua* и *Mazamuua*). Далее (стр. 127, прим. 2) автор производит лулубийское имя *Kirtiağa* от лулубийского слова бог — *ki-ú-gi-um*, засвидетельствованного позднеассирийским источником, и находит в произвольно восстанавливаемом им на этом основании термине *kivt(ti)* нечто общее с груз. *γmertí*, мегр. *γogontí*, чавск. *γogmotí*, *ogmotí*, сванск. *γegmet*, *γegbet*.

Но, чтобы прийти к таким выводам, необходимо: 1) отсечь окончание *-um*, отождествив его с аккадским падежным окончанием; 2) оставшееся *kivt-* произносить *kivt-*, имея в виду имя *Kirtiağa* (которое может к слову «бог» и не иметь какого бы то ни было отношения); 3) присоединить, на том же основании, к *kivt-* суффикс *-ti* (допустим, что *kir-* в *Kirtiağa* действительно значит «бог», —какая гарантия, что *-ti* здесь составляет часть этого слова, а не имеет какое-либо совершенно другое значение?); 4) сравнить это произвольно реконструированное лулубийское слово* *kivrti* «бог» с картвельскими *γmertí*, *γogontí*, *γogmotí*, *γegmet* (кстати говоря, общие показания мегрельского, чанского и сванского указывают, как кажется, на первоначальность формы **γogmot-*, **γegmet-* с согласным костяком *γgmt*, а не *γmrt*).

Не более убедительны соображения о грузинском характере суффиксов «s», «r» и «l». Едва ли можно найти язык, в котором не было бы суффиксов *-s*, *-r* и *-l* с той или иной огласовкой; есть они и в индоевропейских языках, восстанавливаются они и в семитских, есть они и во многих других языках. И почему мы должны считать, что формы *-asi* и *-usa*, *-agi* и *-ila* — это одно и то же? И откуда известно, что эти суффиксы имеют в лулубийском то же значение и происхождение, что и в грузинском? Для того чтобы эти суффиксы можно было сопоставлять, необходимо не только указать на некоторое внешнее сходство в их звучании, но и установить их генетическую и функциональную связь². Во всем этом мы видим продолжающуюся недооценку строгой методики сравнительного языкознания.

К той же категории неприемлемых языковых сопоставлений относится у автора сближение имени бога Халди и имени племени халдайцев с этническим термином «карт-» (стр. 411³), мнение о том, что «название „табалов“... находит прекрасное объяснение по данным грузинского языка» (стр. 410), сопоставление имен «Руса» и «Урзана» (стр. 164) и т. п.

К счастью, подобные неудачные лингвистические экскурсы занимают в этой ценной и важной книге незначительное место. Сам по себе раздел, посвященный истории

¹ Это, однако не доказано и требует более тщательного расследования — И. Д.

² Так, и в русском языке есть суффиксы *-ель*, *-арь* и т. п. (*читатель*, *рыбарь*, *почтарь*), но очевидно, что это не может служить доказательством его родства ни с грузинским, ни с лулубийским.

и исторической географии лулубейских племен и других племен гор Загра представляет значительный интерес и содержит очень большой, остроумно подобранный материал. Можно высказать лишь немного второстепенных поправок. Так, не только лулубеи и кавказские народы, но и ассирийцы, хетты, сирийцы и др. были антропологически «арменоидами» (стр. 128); текст Нарам-Сина (стр. 128) не упоминает лулубейского вождя Satuni: в этом тексте надо читать: ...Si-dur[...] sa-dù-i Lu-lu-bi-im^[ki] ip-hu-ru-m[a] «[когда?] Сидур[...] горы (=горцев) Луллубума собрал...» (SA.TU.NI чит. sa-dù-i); сомнительно также чтение имени на стеле из Шейхана, как «Tardunni сын Ikki»; предположительно следует читать «Lšir-pir'ini, сын Ikkib-šahmat'a(?)». Сомнительно, можно ли обнаружить «среди населения северной части нагорного Загра также хурритские имена» в I тысячелетии до н. э., и притом «в немалом количестве» (стр. 139). Нет основания считать хурритскими все имена этого района, князьямся на -ukku, так как они встречаются и далее на юго-восток, вплоть до Персиды (одного из сыновей Кира I звали Arukku, но вряд ли он был хурритом). В частности, для имени Дейока — акк. Dāūaukku, греч. Dēiokēs — имеется прекрасная индоевропейская этимология (Dahyauka).

Глава книги, посвященная этническому составу населения областей Наири, заканчивается разделами, в которых говорится о проникновении сюда индо-иранских и арамейских племен, — к сожалению, несколько краткими. Нельзя не согласиться с автором, указывающим на незначительность роли индо-иранцев в данном районе и отсутствие оснований для того, чтобы считать их «господствующим элементом». Вряд ли, как мы уже указывали ранее, имя мусасирского божества Bagraštu (?) следует относить к индо-иранским¹. Автор не уделяет внимания вопросу о появлении здесь армяноязычных племен, о чем следует серьезно пожалеть. Автор говорит об этногенезе армян лишь в заключении (стр. 418—419) и связывает его с племенем хайаса. Однако это племя не было армяноязычным (индоевропейским); вопрос о языковом генезисе армянского этноса, таким образом, даже не ставится.

Третья глава книги посвящена истории Наири-Урарту до возникновения урартского царства. Этот отрезок истории данных областей не исследовался сколько-нибудь основательно до Г. А. Меликишвили, внесшего существенный вклад в его изучение. В эту главу вошли уже ранее частично опубликованные исследования автора о Мусасире, как первоначальном центре урартских племен, а также о других традиционных центрах урартов (Кумени² и др.), о взаимоотношениях урартов с лулубеями и т. п. В целом из разбросанных, малочисленных сведений Г. А. Меликишвили искусно воссоздает убедительную картину истории хуррито-урартских племен в период до создания урартской державы Араму и Сардури I. Мы позволим себе сделать лишь несколько частных возражений.

Выражение текстов «победил столько-то стран в один день» или «в три дня», видимо, означает «в одной битве», «в трех битвах»; речь идет о победах над объединенным ополчением ряда племен и не означает, что все эти племена жили на небольшой территории (ср. стр. 153). Урартское слово šui(a-) вряд ли является полным синонимом слова luluini «вражеский»; его следует сопоставить с хурр. šue «далекий». Такое значение, как мне кажется, подойдет во всех понятных нам контекстах для šui и šuini; соответствие урартск. šuini и акк. kullatu «все» основано на сомнительном восстановлении лакуны в тексте УКН, 264, 3³.

¹ Ссылаясь на статью F. W. K ö n i g'a «Baga» в «Reallexikon der Assyriologie», автор (стр. 161³) указывает на многочисленность теофорных имен с элементом бага в VIII в. до н. э. Это недоразумение: Кёниг не утверждает этого, а приводимые им примеры, за исключением одного, все относятся к ахеменидскому времени.

² Кумени — Кумми был и для хурритов важным религиозным центром (местом культа верховного хурритского бога Тешуба), см. H. G. G ü t e r b o s k, *Kumarbi Mythen vom churritischen Kronos*, Zürich — New York, 1946.

³ В этом же контексте следует сделать поправку также в переводе слова alti' išu, передающего чрезвычайно распространенное урартское слово 'aldubi. Следуя за М. Це-

На стр. 171—173 Г. А. Меликишвили полемизирует с моим толкованием надписи Тиглатпаласара I, согласно которому этот ассирийский царь через долину Чороха, по всей вероятности, доходил до Черного моря. Он выдвигает следующие доводы: 1) 16 гор, через которые перевалил Тиглатпаласар во время данного похода, все, очевидно, находились к югу от Мурад-чая; 2) у Тиглатпаласара нет прямого указания на то, что он доходил до Дайаэни-Диауэхи, и к тому же от южной периферии этой страны до Черного моря еще очень далеко; 3) в Малатию, куда попал Тиглатпаласар «в продолжение того же похода», ассирийцы могли легче попасть из района Малазгирта — Эрзерума, чем с побережья Черного моря; 4) если «Верхнее море захода солнца» означает здесь Черное море, а не Ванское озеро, то и в этом случае ассирийский царь мог объявить себя победителем живших вплоть до него племен, не доходя фактически до самого моря. Однако, 1) если от границ Месопотамии до Мурад-чая имеется и более 16 гор, то во всяком случае здесь не имеется 16 перевалов; 2) перечисленные в тексте Тиглатпаласара страны не могут быть локализованы на хорошо освещенных другими текстами территориях южнее Мурад-чая; 3) из текста (а также из параллельного места в отрывке анналов, АКА, стр. 116) видно, что покоренные Тиглатпаласаром территории простирались до «Верхнего моря»; 4) как мы уже указывали, Дайаэни-Диауэхи было расположено в долине Чороха и, следовательно, действительно простиралось до Черного моря; 5) обратный путь из долины Чороха через Эрзерум (ср. выше, стр. 60) в Ассирию должен был идти вниз по Евфрату и, естественно, приводил в Малатию; путь от Ванского озера в Ассирию туда привести не мог. Другой вопрос, доходил ли ассирийский царь лично до Черного моря или осно вывался в своей похвальбе лишь на том, что взял в плен царя Диауэхи, владения которого простирались до моря.

Следующая, четвертая глава посвящена «Наири-Урарту в эпоху Урартского царства». Эта глава — наиболее обширная (почти полтора ста страниц) и наиболее содержательная. Написанная на основании, главным образом, детального анализа урартских текстов, в отношении которых Г. А. Меликишвили, как их издатель, является наилучшим знатоком, она содержит много нового материала и свежих наблюдений, много существовавших представлений подверглось проверке и исправлено. Здесь нет возможности излагать ее содержание; всякий, занимающийся историей Урарту, должен будет изучить ее со всей основательностью. Остановимся лишь на отдельных пунктах, где, как нам кажется, можно внести уточнения или выразить несогласие с отдельными положениями автора.

«Ячмень и солому», упоминаемые в составе дани Замуа Ассирии при Апшурна-сипале (стр. 183), не следует понимать буквально: это название двух видов натурального налога (см. РЗОА, стр. 127). Выдвигаемая автором теория переноса столицы Урарту в Тушпу при Сардури I кажется нам, как мы уже указывали ранее, несколько шаткой (стр. 201 сл.).

Чрезвычайно интересен проделанный Г. А. Меликишвили анализ надписей Аргишти I, который позволил ему восстановить текст анналов¹, установить порядок походов и предложить абсолютную датировку правления Аргишти (по Г. А. Меликишвили — 786—764 гг. до н. э.). В отношении последней нам бы хотелось внести некоторую поправку.

ретели, Г. А. Меликишвили переводит *alti'īšu* как «заботился» и т. н. (от *še'û*). Но это — совершенно невозможно: глагольная форма **aše'īšu* должна была бы дать в ассирийском диалекте, на котором написан этот текст, не *alti'īšu*, а **asi'ī šu*; *alti'īšu* — 1-е лицо перфекта I породы от глагола *le'û* и означает «одолеял я его». Это имеет самое существенное значение для исторического толкования многих урартских текстов, где встречается глагол *'aldubi*.

¹ К сожалению, автором не учтен перевод Хорхорской летописи Аргишти I, сделанный Н. В. Арутюняном (ЭВ, VII, стр. 81) на основе тщательного сопоставления имеющихся воспроизведений и дающий некоторые существенные разночтения против предложенного Г. А. Меликишвили текста.

Датировка основывается на сопоставлении упоминаемых стычек между Ассирией и Урарту в анналах Аргишти и в списках ассирийских эпонимов. Победы урартов над Ассирией отмечены в анналах Аргишти I:

Под VI (?)¹ годом царствования. В заголовке текста, относящегося к этому походу, сказано, что бог Халди «победил войско Ассирии», но в самом тексте сказано лишь (по переводу Н. В. Арутюняна): «Среди воинов Ассирии, как в моей стране, я собрал бойцов» или (по переводу Г. А. Меликишвили): «В войске Ассирии моя страна ašdu². Я собрал воинов». Далее говорится о походе на Бабилу («Вавилонию», конкретно — район долины реки Диялы).

Под VII (?) годом царствования. В заголовке: «Победил он — бог Халди — ассирийское войско». В тексте стоит формула: «É-GAL^{mes}si-du-ú-ú-li^{KUR}šú-ri-[...]-li-[...]-i iš-pu-ú-i-ú-bi^{KUR}AS-ŠUR¹⁴hu-ra-di-n[i-li]-e^{KUR}e-ba-ni-ú-ki aš-du», что я предлагаю переводить: «крепости я построил (по) всей „вселенной“, ополчил (??) ассирийских воинов, как (?) мою страну»; и несколько ниже: ¹⁴a-ú-[e]-ra-ši-li ki-da-nu-bi^{KUR}AS-ŠUR su-ú-i-[du]-bi za[-du-ú]-bi [.....] ^{KUR}e-ba-ni-ú-ka-ni «военачальников (?) я послал, Ассирию я отразил, сделал [.....] от моей страны».

Под IX (?) годом царствования. Речь идет о походе на страны Манна и Иркику и сообщается, что «дошел я до границы³ Ассирии».

Таким образом получаем две серии:

В анналах Аргишти:	В ассирийском списке эпонимов:
Год n+1: покорение части ассирийской территории и призыв с нее воинов; поход в долину Диялы.	781 г.: «на Урарту». 780 г.: «на Урарту». 779 г.: «на Урарту». 778 г.: «на Урарту».
Год n+2: укрепление этой же территории; отражение ассирийского похода.	777 г.: «на Итуа» (кочевая область по соседству с коренной ассирийской областью).
Год n+3: —	
Год n+4: урартский поход «до границы Ассирии» (следовательно, не на самую территорию Ассирии).	776 г.: «на Урарту». 775 г.: «на кедровые горы» 774 г.: «на Урарту (и) Намру» (долину реки Диялы; об этом же походе сообщают нам надписи ассирийского полководца Шамшилу ⁴).

Г. А. Меликишвили справедливо видит в сопоставлении данных анналов Аргишти I и списка эпонимов возможность «привязать» царствование Аргишти к абсолютной хронологии. Но Г. А. Меликишвили отождествляет то, что мы обозначили как «год n + 1» (VI? год правления Аргишти), с 781 годом. Мы же полагаем, что, пользуясь реконструкцией анналов, данной автором, можно предложить несколько иное отождествление и иную датировку правления Аргишти. Год «n + 4» не мог отразиться в ассирийском списке эпонимов, так как в этот год не было ассирийского похода на Урарту, да и урарты не проникли в Ассирию. Поход же ассирийцев «на Урарту и Намру» 774 г. следует отождествить с «годом n + 2» — ассирийцы не могли не реагировать на проникновение урартов на их территорию в предшествующем («n + 1») году и на заход

¹ Неясно, не было ли описания еще одного года правления между I и II (?). Однако вероятнее, что нумерация лет у автора правильна.

² Урартский послелог ašdu следует связать с глаголом ašd/t- «уподоблять» и переводить «подобно, как».

³ Alga лучше переводить «граница», а не «гора»; для последнего понятия существует слово habani (со значением именно «гора», а не «горная страна», как у Г. А. Меликишвили).

⁴ См. АВИУ, № 38; ВДИ, 1951, № 2, стр. 304⁶.

их глубоко во фланг Ассирии — в долину Диялы («Бабилу» урартского текста); именно сюда (в Намру) и был направлен контрудар (или один из контрударов) Шамшиилу, наряду с другим ударом на собственно урартскую территорию¹; оба эти удара были «отражены», один — самим Аргишти, другой — его полководцами (*awerašili*).

Таким образом,

год «n + 1» = 775 г.

год «n + 2» = 774 г.

год «n + 4» = 772 г.

Что касается ассиро-урартских столкновений 781—778 гг., то они не упомянуты в анналах, как не принесшие каких-либо успехов урартам; но ассирийский поход 776 г., вероятно, и вызвал ответный урартский поход «n + 1» = 775 года.

По этому расчету, первый год правления Аргишти соответствует 780 году; естественно, что ассирийское наступление совпадало, как это обычно бывало на древнем Востоке, с периодом смены царей в Урарту, а не с периодом усиления могущества Аргишти. Как видно из анналов последнего, его I год (= 780) был занят борьбой с восстаниями (вероятно, поддержанными Ассирией), а в течение II и III гг. (= 779 и 778) он был занят на крайнем севере своего царства, что могло благоприятствовать ассирийским набегам. В IV г. (= 777) Аргишти воевал в долине Евфрата и в Малой Азии, а в V г. (= 776) опять был занят на севере. 775 год (VI) он посвятил нападению на ассирийскую территорию в ответ на ассирийский поход 776 г.

Красочное описание поражения Аргишти в 774 г. в надписи Шамшиилу надо, вероятно, принимать *sum grano salis*; в следующем, VIII (= 773) г. Аргишти вновь, как выясняет Г. А. Меликишвили, побывал на реке Дияле, а в IX (= 772), доходил до «границ Ассирии».

Как убедительно показано Н. В. Арутюняном в его диссертации, фрагмент УКН, 127, VII не относится к анналам Аргишти I; поэтому нумерацию годов, начиная с XVI, следует уменьшить на один; анналы кончались не позднее XXII г. царствования Аргишти, т. е. около 759 г. Неизвестно, сколько времени после этого он мог еще прожить, — несомненно недолго, иначе имелись бы, хотя бы отдельные, более поздние надписи.

Вслед за реконструкцией анналов Аргишти I Г. А. Меликишвили дает столь же остроумную, потребовавшую сложных соображений реконструкцию анналов Сардури II. Для абсолютной датировки отправными пунктами здесь являются: упоминание победы над ассирийским царем Ашшурнерари IV (753—746 гг. до н. э.) в тексте УКН, 156 DI + DII (примерно в III—V гг. Сардури), упоминание вскоре вслед за тем похода на «Бабилу» (долину Диялы) во фрагменте УКН, 155, A (что естественно связывается с походом Ашшурнерари IV в этот же район в 749 и 748 гг.) и упоминание, еще через 4—5 лет, похода на Коммагену и ее царя Кушташпили в тексте УКН, 155, E (что не могло произойти позже 743 г., когда Кушташпили выступал вместе с Сардури, в качестве его союзника, против Ассирии; при этом после покорения Коммагены, но еще до своего поражения в 743 г., Сардури II успел распространить свое влияние вплоть до Сирии)².

¹ Второй удар, вероятно, был нанесен в районе «перевала Андартта» (Дехок), где ассирийская и урартская территории непосредственно соприкасались; ср. надпись Шамшиилу, АВИУ, № 37.

² К сожалению, Г. А. Меликишвили не привлекает данных «хеттских иероглифических» текстов; в одном из них упоминается Сардури II в качестве гегемона над Каманасом, царем Каркемиша, отец которого, Апарас, сам осуществлял гегемонию над обширной территорией в Сирии и Финикии и якобы над всей Малой Азией. См. краткий обзор исторических данных «хеттско-иероглифических» надписей у R. D. V a g n e t t, *Karatepe, the Key to the Hittite hieroglyphs*, «Anatolian Studies», III, 1953, стр. 53 сл.

Подсчеты показывают, что начало правления Сардури II следует отнести к ± 755 , самое позднее — к 753 г.; это вполне согласуется с тем, что анналы Аргишти I заканчиваются 759 годом.

Наиболее поздний текст Сардури II (УКН 155, F) следует отнести к 741 г., что и соответствует выводам Г. А. Меликишвили. Однако Сардури II был еще жив во время похода Тиглатпаласара III на Ван в 735 г.¹; вскоре после этого на престол Урарту вступил Руса I.

Возможность более или менее точно датировать события правлений Аргишти I (с 780 по 756?), Сардури II (с 755? по 735 + x) и Русы I (с 735 — x по 713)² — важный результат исследований Г. А. Меликишвили.

В отношении событий царствования Русы I, отраженных в письмах ассирийских разведчиков в Урарту, автор, в основном, принимает ту хронологию писем, которая была предложена рецензентом при их размещении в издании АВИУ, № 50.

Возражений разбираемая глава книги вызывает очень мало. Вряд ли можно считать битву при Каркаре победой ассирийского царя Салманасара III (стр. 243); следовало бы подробнее разобрать историю распространения урартского влияния на западе и юго-западе при Сардури II (в частности, в связи с «хеттскими иероглифическими» надписями и договором Маттиэля с BRGY', царем КТК — «кашков»?). Мы уже ранее высказывали свое иное понимание надписи о переселении пленных из стран Хате и Цуа в Эрбу (Ария-берд — стр. 259). Страна Килхи-Гелхи у Черного моря, как выше указывалось, не существует, поэтому отпадает то, что сказано о ней у автора на стр. 264 сл. и в других местах. Проникновение киммерийцев в Манну (стр. 281) сомнительно — предположение основано на произвольном дополнении лакуны, сделанном Уотерманом и повторенном мной³. Вряд ли сообщение ассирийского шпионского донесения НАВЛ, 444 = АВИУ, 50 (4) относится к восстанию наместников против Русы (стр. 281).

«Область Дейока» в ассирийских источниках не упоминается: эта ошибка, сделанная Г. Винклером при чтении текста Саргона и повторяемая до сих пор во всех работах о Мидии, не исключая и моей (АВИУ = ВДИ, 1951, № 2, стр. 318, 320⁴⁰), была исправлена Жаном и Тьюр-Данжэном еще в 1927 г. (Rass, XXIV, стр. 75—80).

Вряд ли можно считать, что Иранзу, царь Манны, находился в вассальных отношениях к ассирийскому царю Саргону II (стр. 284).

Г. А. Меликишвили (стр. 297²) оспаривает наше мнение о том, что Мусасир и Кумену входили в конце VIII — начале VII в. в состав Урарту, а не Ассирии; однако в подтверждение нашего мнения можно сослаться на тот факт, что названные провинции отсутствуют в списке ассирийских провинций, доставшихся Ашшурбанапалу после Асархаддона⁴. Автор оспаривает также наше мнение, что урартский бог Халди пользовался культом в граничавших с Урарту областях Ассирии (стр. 298) и считает людей с теофорными именами, содержащими имя Халди, урартскими уроженцами, взятыми в плен Саргоном II в 714 г. Однако, — за исключением, возможно, одного, — все приведенные мной имена — чисто аккадские. В числе их есть и воин-гонец, причем источник, из которого взято имя, вероятно, предшествует походу Саргона II на Урарту. В ряде случаев это, несомненно, жители пограничных с Урарту районов (например, Кишшуну), где не могли селить урартских пленных.

¹ См. текст Тиглатпаласара на каменных плитах из Нимруда, АВИУ, № 42 (ВДИ, 1951, № 2, стр. 313).

² Смерть Русы I следует отнести к 713 г., а не к 714, как у автора, стр. 267.

³ АВИУ, № 50 (8); ВДИ, 1951, № 2, стр. 339. Что касается Манны, то постоянное обитание здесь не только киммерийцев, но и скифов сомнительно: ašbu в тексте АВИУ, 68 б. можно понимать не только как «живут», но и как «находятся, пребывают» (в настоящее время, временно).

⁴ АВИУ, № 71 (ВДИ, 1951, № 3, стр. 234).

Глава пятая, посвященная «Материалам по социально-экономической истории Напри-Урарту», в значительной мере повторяет статью Г. А. Меликишвили, появившуюся в свое время на страницах ВДИ и положившую основу изучению социального строя Урарту, — что ранее считалось, при существующем состоянии источников, невозможным. Анализ данных по социальному строю Урарту, чрезвычайно остроумно проведенный Г. А. Меликишвили, ляжет в основу всех дальнейших исследований этого вопроса. Из скудных намеков текстов автор искусно делает интересные выводы, например относительно торговли храмов (стр. 355) и многие другие. Отдельные возражения по частным вопросам уже делались нами¹, и здесь нет необходимости их повторять. Г. А. Меликишвили удалось установить факт господства в Урарту родовой знати, указать на наличие общин, показать своеобразие царских и храмовых хозяйств (значение первых, однако, как мне кажется, несколько преувеличено) и наличие, а также некоторые особенности рабовладения.

Отметим некоторые частные моменты, на которых хотелось бы остановиться. Чрезвычайно своеобразный факт скопления огромного количества медного и бронзового оружия в хранилищах храма Халди (стр. 323—332) связан, очевидно, с переходом урартов к железному вооружению: медные мечи и т. п. хранились, вероятно, просто как металл. Поэтому мы не можем согласиться с мнением автора, что урартские храмы занимались изготовлением оружия. Об этом не свидетельствуют и археологические находки — это, по большей части, посвячительные дары, как нередко явствует и из надписей на них.

Термин URU (patari) в урартском, повидимому, никогда не значит («укрепленный» город), а только либо «открытое поселение», либо «община» (в этом смысле и *alusi Tušrae patari* — «правитель общины Тушпы»)². *Numâte* означает по-аккадски «утварь, движимое имущество»; поэтому, если город Улху назван *al numâte-šu ša Utsâ* «город утвари Русы», то это не указывает на то, что Улху представлял центр царского полевого хозяйства (стр. 341). Из урартских текстов не следует, что цари казнили только незначительную часть пленных (стр. 346) — совсем напротив.

Автор сомневается в том, что часть взятых в плен людей получала от победителей-ассирийцев (и урартов) оружие и ставилась в крепости в качестве гарнизона (стр. 347¹), ссылаясь при этом на свою статью в ВДИ³. Однако ассирийские тексты говорят об этом недвусмысленно⁴.

Мы продолжаем полагать, что под «воротами бога» урартские тексты подразумевают святилища под открытым небом перед нишей в скале, подобной «двери Митры» (Мехер-капусы), которая в тексте УКН, 27, так и названа «этими воротами» (стр. 354—355). Только термин *E* «дом» означает собственно храм в целом; *E. BAR* означает «культурную ячейку» (акк. *parakku*), *iaga (ni)* — нечто вроде «часовни» [акк. *massukku* «покой (богини)»]; *susi* — какую-то часть культового сооружения, может быть «столб» (ср. стр. 353).

Восставшие против маннейского царя Ахшери (Ахсири) названы в тексте *pišê mâtî* «рядовыми людьми», «чернью»; видеть здесь восстание знати нет оснований (ср. стр. 363).

¹ И. М. Дьяконов, К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту, ВДИ, 1952, № 1, стр. 100.

² Так же хурритское **padari*, сохранившееся, повидимому, в виде заимствования в угаритском *pdg*.

³ Г. А. Меликишвили, К вопросу о царских хозяйствах и рабах-пленниках в Урарту, ВДИ, 1953, № 1.

⁴ Автор не считает убедительным наше мнение, что употребленный в сходном ассирийском контексте (АВИУ, № 59; ВДИ, 1951, № 3, стр. 213=СТ XXVI, табл. 1—39, V, 1 сл.) глагол *kašâgi* означает зачисление в полк, *kišir*; однако существуют и совершенно недвусмысленные ассирийские тексты, более ясные, чем приведенные нами в статье в ВДИ, 1952, № 1; так, например, у Ашшурбанпала (Rm., VII, 58—81; IX, 122—126).

Автор отвергает предположение Б. Б. Пиотровского относительно проведения царем Русой I административной реформы (стр. 358). Этот вопрос нуждается еще в дополнительном исследовании.

Шестая глава книги — «Материалы по истории религии и культуры Наири-Урарту» посвящена двум отдельным темам: пантеону урартских божеств и урартской письменности. В первой части автору удалось внести ясность в вопросы урартского пантеона, определить, какие именно из урартских божеств были богами и какие богинями, установить имена супруг богов Халди (Ḫalubani или *Agubani), Теишебы (Ḫuba) и Шивини (Ṭiṣruea) и имя божества плодородия Цега (груз. Квириа) и т. д.¹

Второй раздел посвящен разбору стиля урартских надписей. К сожалению, мы не найдем здесь ни данных о происхождении урартской клинописи, — что связано с целым рядом интересных проблем, — ни данных о развитии урартского клинописного курсива, а также об урартской пероглифике. Автор привлекает интересные наблюдения акад. В. В. Струве о наличии определенных связей между стилем урартских надписей и стилем надписей ахеменидских царей. Можно было бы указать и на то обстоятельство, что в урартском клинописном курсиве, как и в древнеперсидской клинописи, применяется знак словораздела, — может быть, еще одно указание на вероятное существование промежуточных звеньев между урартской и древнеперсидской письменностью — маннейской и мидийской клинописи.

Заключение книги посвящено судьбам племен Наири-Урарту после падения урартского государства. Выдвигаемые автором положения, естественно (имея в виду характер наличных источников), содержат много спорного; автор приводит не много нового материала по сравнению с опубликованным им в предшествующих работах; мы уже высказывали по поводу его положений ряд сомнений, и сейчас нет нужды еще раз останавливаться на этих вопросах. К сожалению, все наши замечания по затронутым здесь вопросам остаются и теперь в полной силе.

В заключение — несколько филологических замечаний, преимущественно по поводу формы приводимых автором собственных имен.

Автор непоследователен в отношении частицы -ni/e, нередко встречаемой в конце имен и представляющей, с нашей точки зрения, не часть соответственного иноязычного имени, а урартский [детерминирующий] показатель, указывающий на то, что данное имя является известным, определенным или же определено в самом контексте (например, Supa-ni ebanī — das Land Supa)². В других случаях мы встречаем при имени местности или племени урартский формант -ini «-ский», свободно заменяемый то однозначным формантом -ḫi, то родительном падежом (-je). Там, где независимые источники ясно указывают на то, что эта -ni/e или ²ini не относится к имени, автор его опускает, в других же случаях — включает в имя. Так, вместо Утупуршини, Тлтиани, как у Г. А. Меликишвили, надо читать Утупурши³, Титиа; ведь не пишет же автор «Сардурини», «Аргиштиня», хотя в тексте ^{m. d} Sar₃-du-ri-ni, ^mAg-giš-ti-ni и т. д.; так же в названиях местностей — вместо Хушани, Цупани, Лу-хиуни, Хатини и т. п. надо читать Хуша, Цупа, Лухиу (ср. Армираллиу), Хате, так же, как автор правильно читает «Бушту» из-за ассирийского «Buštu», хотя в тексте Bu-uš-tú-ni⁴.

Неправомерно включается в названия местностей и урартский морфологический элемент -ḫi.

¹ Город Querai-taše — «дар Кверы», упоминаемый на стр. 225 и 247, очевидно, — либо основанный урартами в восточной Малой Азии, либо переименованный ими город.

² Ср. bura aštubi «уподобил рабу, превратил в раба», in einen Sklaven verwandelt, но Ḫaldei bura-ni «раб (bora) Халди», der Sklave des Ḫaldi.

³ Так правильно в УКН.

⁴ Ср. параллельное употребление форм на -ini, -ḫi и (-je) в УКН, 127, I, 17—18; 128, B 1, 35—36. По-урартски, как и по-аккадски, название страны после слова «страна» или перед ним ставилось в родительном падеже или в форме притяжательного прилагательного (ср. англ. City of London).

Не существует суффиксов топонимических названий *-ulḫi* и *-alḫi*: речь идет об урартском притяжательном прилагательном на *-ḫi*, образованном от названия жителей данной страны или членов племени, во множественном числе — *ṁba-al-tú-ú-ul-ḫe-e* *KUR*_e-*ba-a-ni-i-e* *URU*_{ḫa}-*al-di-gi-ul-ḫe* *KUR*_e-*ba-a-ni-i-e* *É.GAL*^{mes}-*a-si-li* следует переводить: «крепости страны членов племени балту [baltu-l(i)-ḫi/e] и страны жителей города Халдирну [ḫaldiriu-l(i)-ḫi/e]»; *LUGÁL* *KUR*_{ḫu}-*šá-al-ḫe*, *LUGÁL* *KUR*_{qu}-*ma-ḫa-al-ḫe-e*, *LUGÁL* *KUR*_{Me}-*li-tè-al-ḫe-e* следует переводить: «царь хушайцев, царь коммагенцев, царь мелитейцев» [Meliṭea-l(i)-ḫi/e] и т. д.¹ Поэтому здесь нельзя видеть характерную черту какой-то этнически определенной группы топонимических названий (стр. 63, 263 и др.).

Некоторые названия относятся не к странам, а к горам (например, *Sirimutar'a*, стр. 61 и др.).

В некоторых случаях автор дает дифтонг там, где его, вероятно, не было (Урнеуни, стр. 64, 265 и др. — чит. Урейу; Уейрда, стр. 65, 256, 265 — чит. Верда; Питейра, стр. 246, 259 — чит. Питира) — но правильно Кехуни, а не Киэхуни, стр. 67. (но лучше было бы Кеху).

Вместо *ág* я бы в ряде случаев читал *ub* (долина Кубли вместо Куарлини, стр. 66; Кубза вместо Куарзани, стр. 256).

Читатель должен предъявить серьезные претензии к оформлению и редактированию книги (технический редактор А. Р. Тодуа): в ней очень много опечаток, особенно в английском, французском, немецком и аккадском тексте; очень многие названия иностранных работ приведены с опечатками, много невыправленных стилистических и других ошибок и в русском тексте.

Мы попытались в нашей пространной рецензии привести почти все замечания, в том числе мелкие, какие могли сделать; однако все они затрагивают лишь ничтожную часть содержания этой книги, в которой читатель найдет огромное количество фактического материала, множество новых наблюдений, большую, пеструю и разнообразную картину исторической жизни многих племен. Книга Г. А. Меликишвили является свидетельством зрелости нашей науки о клинописи и, бесспорно, станет настольной для всякого исследователя Урарту и всех северных областей древней Передней Азии. Наряду с книгой Б. Б. Пиотровского «История и культура Урарту», она явится неиссякаемым источником сведений по всему доступному нам материалу для данной области исторической науки.

И. М. Дьяконов

М. М. КОБЫЛИНА. Аттическая скульптура VII — V веков до н. э., М., Изд-во МГУ, 1953, 142 стр., тираж 3000 экз., цена 25 р. 10 к.

Греческая скульптура — одна из наиболее значительных частей античного классического наследия — является в то же время живой частью социалистической культуры и важным источником, из которого черпают уроки и стимулы современные художники. Поэтому большое значение приобретают в этом отношении научно-популярные исследования по истории греческой скульптуры.

Не снижая высокого научного уровня, эти издания в то же время остаются общедоступными. Вместе с тем при таких работах к автору предъявляются высокие требования: в них необходима не только методологическая ясность в оценке и понимании исследуемой автором эпохи, глубокий анализ соответствующего материала в его истори-

¹ Это — фонетическое явление, хорошо известное в урартском: ср. *alušme* «который мне» из **ali/u-še-me*, *ḫašialme* из **ḫaš-ia-le-me*, *šurišḫi* от **šuri-še-ḫi* («принадлежащий к вооружению»), **šuri-še* от *šuri* «оружие»).